

Партийная система современной Японии: от господства ЛДП до реальной многопартийности

Дмитрий Викторович СТРЕЛЬЦОВ

доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой востоковедения, МГИМО МИД России; ведущий научный сотрудник, Институт востоковедения Российской академии наук. Адрес: 119454, Москва, проспект Вернадского, д. 76. E-mail: d.streltsov@inno.mgimo.ru

ЦИТИРОВАНИЕ: Стрельцов Д.В. (2018) Партийная система современной Японии: от господства ЛДП до реальной многопартийности // *Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. Т. 11. № 3. С. 120–136. DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-3-120-136

АННОТАЦИЯ. В политической системе послевоенной Японии закрепился уникальный для мирового опыта феномен «системы 1955 года», который по форме и содержанию противоречил присущему демократическим системам принципу сменяемости власти. В течение 38 лет Либерально-демократическая партия сохраняла большинство в нижней палате парламента, что позволяло ей формировать правительство без создания коалиций с другими партиями. «Система 1955 года» была формой адаптации политической власти к специфическим условиям эпохи холодной войны. Во внешнеполитической плоскости биполярная модель японской политической системы отражала идеологический выбор между ориентацией на капиталистическую систему во главе с США и на страны социалистического блока, возглавляемые СССР. В экономической сфере феномен доминантной партии лучше всего отвечал на специфические потребности мобилизационной экономической модели, в которой первую скрипку играла бюрократия, а политическая власть выполняла скорее декоративные функции. Авторитарное начало, которое,

как можно представить, должно было бы стать следствием монопольного правления ЛДП, в реальности не проявлялось вследствие фактического отсутствия в ней единоначалия и сохранения дееспособной фракционной системы, хорошо адаптированной к избирательной модели средних округов. Завершение периода «системы 1955 года», связанное с окончанием холодной войны, проявилось в утрате ЛДП доминантного положения в партийно-политической системе и начале эпохи коалиционных правительств. Вопросы идеологии в постбиполярный период утратили свое значение как форма межпартийного размежевания. В настоящее время ЛДП удерживает лидирующие позиции на политической арене, выступая в качестве основной политической силы в парламенте. Правящая партия сталкивается с серьезными проблемами, среди которых следует выделить падение авторитета ЛДП в обществе на фоне резонансных политических скандалов, отсутствие внутрипартийной демократии и авторитарный стиль правления Абэ, повышающие риск политических ошибок, а также отсутствие надежных механизмов

преемственности в кадровых назначениях на высшие посты в партийной иерархии. Вместе с тем особенности избирательной системы, а также хронический раскол в стане оппозиции и отсутствие в ней ярких политических лидеров предоставляют ЛДП существенные преимущества перед прочими партиями, что дает основания для вывода о сохранении ЛДП доминантного положения в политической системе страны на обозримую перспективу.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Либерально-демократическая партия, «система 1955 года», доминантная партия, коалиционное правление, двухпартийная система, Синдзо Абэ, Конституционно-демократическая партия, популизм, «плавающие голоса», авторитарный стиль

Японская партийно-политическая система обладает существенной спецификой с точки зрения роли и места политических партий в системе государственного управления. Прежде всего, в противоположность принятой в западной политологии точке зрения о том, что политическая партия возникает как форма протеста ущемляемого меньшинства против привилегий и власти, политические партии в Японии с момента их возникновения в период Мэйдзи образовывались в рамках существующей власти и как инструмент власти именно против оппозиции. Например, Сэйюкай, первая крупная олигархическая партия, образовавшаяся в 1900 г. первый в истории страны партийный кабинет, ставила своей целью находиться «по правую руку» от власти.

Общепринятый в Японии подход к месту и роли партий заключается в том, что партии, не находящиеся у власти и не имеющие шанса войти в правящую коалицию, политическими

партиями вообще не являются. Только приход партии к власти, позволяющий ее лидерам войти в состав правительства и дающий партии реальное право голоса в подготовке государственных решений, оправдывает высший смысл существования политических партий и усилия по их созданию.

Следствием такого подхода является то, что политические партии Японии – это парламентские организации, не обязательно имеющие массовое членство. Партия в Японии может быть зарегистрирована пятью действующими депутатами парламента либо получить регистрацию как организация, завоевавшая поддержку как минимум двух процентов голосов избирателей, принявших участие в последних парламентских выборах. Депутатский корпус составляет в партиях политическую верхушку, осуществляет выборы высшего партийного руководства и принимает все политически значимые решения. Таким образом, парламентский статус является для партии главным и единственным критерием ее политической субъектности. Местные же партийные организации, как правило, имеют ограниченное право голоса, реализуемое через избираемых по определенной квоте представителей на партийных съездах.

Партийное строительство в первой половине XX в. шло в Японии по пути заимствования и внедрения элементов парламентской демократии британского типа (т.наз. Вестминстерской модели), предполагающей существование в парламенте двух крупных политических партий, которые периодически сменяют друг друга у власти. В 1911 г. один из отцов-основателей японского парламентаризма Юкио Одзаки отмечал, обосновывая необходимость введения двухпартийной системы: «Как только имеющиеся партии наберутся опыта вхождения во власть и ухода

в оппозицию, они смогут в полной мере привыкнуть к двухпартийной системе и превратиться в одну из двух основных партий. Именно так должен работать конституционализм¹. Принципы двухпартийной системы были апробированы на практике в середине 1920-х гг., когда на политическом Олимпе закрепились две партии – Сэйюкай и Минсэйто, лидеры которых сменяли друг друга на посту премьера. Сам избирательный закон 1925 г., гарантировавший каждой из них определенный минимум представительства в парламенте, явился результатом компромисса, основанного на принятии политической верхушкой принципа регулярной сменяемости власти.

Однако в политической системе послевоенной Японии, прошедшей через период демократических реформ второй половины 1940-х гг., сформировался и закрепился уникальный для опыта демократических стран феномен «системы 1955 года», который по форме и содержанию противоречил указанному принципу.

Термин «система 1955 года» связан с событиями ноября 1955 г., когда несколько конкурирующих политических группировок консервативной ориентации, опасаясь прихода к власти левых сил, создали Либерально-демократическую партию (ЛДП). В дальнейшем ЛДП на протяжении почти четырех десятилетий доминировала на политической арене страны. В течение 38 лет она сохраняла большинство в нижней палате парламента (и 34 года – в обеих палатах), что позволяло ей формировать правительство без создания коалиций с другими партиями. При этом основным соперником ЛДП в парламенте была Социалистическая партия Японии (СПЯ).

Другое название «системы 1955 года», закрепившееся в профильной литературе, – «полупарламентарная система». Этот термин впервые был использован в 1960 г. Робертом Скалапино и Дзюнноске Масуми для характеристики партийной конфигурации в Японии, в рамках которой «одна партия» всегда находится у власти и «половина партии» (т.е. СПЯ. – Д.С.) является «вечной оппозицией» [Hrebenar 1992, p. 6]. К началу 1970-х гг., когда в парламенте имели ощутимое представительство уже пять партий, этот термин перестал соответствовать реальности. Однако поскольку ни одна партия, помимо ЛДП, не имела возможности прийти к власти, Нобутака Икэ применил для анализа определение «система доминантной партии» (one-party-dominant system) [Hrebenar 1992, p.6].

Ось идеологического противостояния между ЛДП и СПЯ по-разному проявлялась во внешнеполитической и социально-экономической плоскостях. ЛДП выступала за ориентацию на США, отмену ст. 9 конституции и проведение активного военного строительства, а СПЯ – за сохранение конституции и политику невооруженного нейтралитета. Основными пунктами политических противоречий на выборах и в парламенте поэтому были такие вопросы, как отношение к Договору безопасности с США и союзническим обязательствам Японии, особенно затрагивающим военную сферу, изменение конституции, проблемы ядерного оружия и т.д. В то же время ЛДП традиционно ставила во главу угла своей политики цели поддержания высоких темпов экономического роста и приоритетного развития экспортных отраслей экономики, тогда как СПЯ отдавала приоритет социальной политике, защищая ин-

1 Цит. по: Асахи симбун. 17.08.2009.

требования прежде всего наемных работников крупных предприятий. Оппозиционные партии оказывали на ЛДП давление по вопросу создания современной системы социальных гарантий, прежде всего в области пенсионного обеспечения, здравоохранения, защиты интересов наемных работников.

«Система 1955 года» была формой адаптации политической власти к специфическим условиям эпохи холодной войны. Во внешнеполитической плоскости биполярная модель японской политической системы отражала идеологический выбор между капиталистической системой во главе с США и социалистической системой, возглавляемой СССР. В экономической сфере феномен доминантной партии лучше всего отвечал на специфические потребности мобилизационной экономической модели, в которой первую скрипку играла бюрократия, а политическая власть выполняла скорее декоративные функции. Наконец, монопольное правление доминантной суперпартии компенсировалось фактическим отсутствием в ней единоначалия и сохранением дееспособной фракционной системы, хорошо адаптированной к избирательной модели средних округов.

Завершение «системы 1955 года» связано в первую очередь с окончанием холодной войны и прекращением глобальной идеологической биполярности, спроецированной на японскую политическую сферу. В 1993 г. в результате поражения на выборах в нижнюю палату парламента ЛДП уходит в оппозицию, и к власти в стране приходит «семипартийная коалиция», сформированная всеми оппозиционными партиями, кроме коммунистов. И хотя через год ЛДП вернула себе бразды правления, она уже не могла удерживать власть иначе как в составе коалиционного правления. Эти события знамено-

вали собой переход японской партийно-политической системы в качественно иное состояние, а именно – в эпоху коалиционных правительств. При этом вопросы идеологии в постбиполярный период утратили свое значение как форма межпартийного размежевания.

В дальнейшем ЛДП вплоть до 2009 г. удерживала статус правящей партии в коалиции с различными политическими партиями, а затем, после трехлетнего пребывания в оппозиции, вновь восстановила его в 2012 г. Почти шесть десятилетий пребывания у власти приносят ЛДП лавры чемпиона по продолжительности правления одной политической партии в демократической стране, – это больше, чем в Мексике, Индии, Швеции, Италии, Израиле и других демократических странах с опытом правления доминантных партий.

Исторический опыт «системы 1955 года»

Исторический опыт системы власти Либерально-демократической партии является одним из наиболее поучительных для мировой политической практики. В некоторых демократических странах (например, Швеции и Италии), где также сложились системы доминантной партии, правящие партии находились у власти без перерывов еще дольше, чем ЛДП, однако эти партии не имели столь продолжительного сохранения абсолютного большинства в парламенте. Уникальность феномена «системы 1955 года» заключается не только в отсутствии аналогов в мире по формальному показателю продолжительности правления одной партии, но и в порождении этой системой специфического инструментария удержания власти в условиях работы всего спектра демократических институтов. Следует

отметить, что в течение всего периода действия этой системы Япония оставалась полностью демократическим государством, в стране на всех уровнях регулярно проводились выборы, неукоснительно соблюдались все политические права и свободы.

Специфика феномена доминантной партии в Японии заключается, помимо всего прочего, в отсутствии у этой партии значимого уровня общественной поддержки, позволяющего говорить о широком общественном консенсусе, по логике вещей необходимом для формирования и развития этого феномена. С 1960 по 1993 г. уровень электоральной поддержки ЛДП на парламентских выборах составлял в среднем 32,5% (и лишь однажды превысил 50%), а в постбиполярный период снизился еще больше (в среднем до 23,3% с 1993 по 2008 г.) [Reed 2011, p. 14]. Таким образом, даже в период расцвета «системы 1955 года» ЛДП не имела отчетливо выраженной характеристики «партии популистского типа», черпающей свою власть в поддержке со стороны широких народных масс; более того, с течением времени эта партия постепенно и неуклонно утрачивала популярность в японском обществе.

На начальном этапе развития «системы 1955 г.» (с момента учреждения ЛДП 15 ноября 1955 г. до раскола Социалистической партии и образования Партии демократического социализма в 1960 г.) на политической арене страны наблюдалась ситуация жесткой биполярности, при которой в парламенте доминировали две идеологически противоположные политические силы – консервативная Либерально-демократическая партия и левая Социалистическая партия Японии. Сра-

зу после своего образования в 1955 г. ЛДП имела в парламенте подавляющее большинство – на первых для нее выборах в нижнюю палату, прошедших в 1958 г., она получила 298 из 512 депутатских мандатов, тогда как ее ближайший соперник СПЯ – 131. На указанных выборах эти две партии совокупно получили 91% всех голосов избирателей (ЛДП 57,8% и СПЯ – 61,5%) и 97% от общего числа мест в нижней палате парламента [Curtis 1989, p. 19]. Противостояние ЛДП и СПЯ по сути отражало внешнеполитическую альтернативу дальнейшего развития страны – двигаться ли в направлении западного сообщества при опоре на военно-политический союз с США или по пути невооруженного нейтралитета при опоре на пацифистские положения конституции. Именно тогда оформилась специфическая терминология для характеристики участников идеологического противостояния: СПЯ и КПЯ, ориентировавшиеся на мировой социалистический лагерь, называли «реформистами» (*какусинха*), тогда как ЛДП, выступавшую за членство страны в возглавляемом США западном мире, обычно именовали «консерваторами» (*хосюха*). Понятие «консерватор», кстати, имело тогда в японском политическом сленге негативную коннотацию, будучи синонимом термина «реакционер»².

Однако начиная с 1960-х гг. ситуация стала качественно изменяться. ЛДП на протяжении нескольких десятилетий постепенно утрачивала позиции ведущей политической силы Японии, а образующийся вакуум заполняли не социалисты, а т.наз. «партии третьего пути», выступавшие с центристских и левоцентристских позиций по всем клю-

2 В настоящее время консерватизм себя полностью реабилитировал в Японии в качестве позитивной идеологии. Подробнее см. [Стрельцов 2011].

чевым вопросам политической повестки дня. В 1960 г. в результате раскола СПЯ, вызванного внутривнутрипартийными разногласиями по отношению к обновленному Договору безопасности, появилась Партия демократического социализма (ПДС), затем в 1964 г. – партия Комэйто, опиравшаяся на голоса приверженцев необуддистской организации Сока гаккай. В результате динамика политических процессов в стране была обогащена за счет соперничества между партиями различной идейной ориентации, причем с течением времени все большую долю голосов стали получать партии, тяготеющие к политическому центру, а все меньшую – «системные партии» ЛДП и СПЯ. Например, если на парламентских выборах 1958 г. ЛДП и СПЯ получили 57,8% голосов избирателей, то в 1976 г. – только 41,8%. При этом доля голосов, получаемых СПЯ, сократилась с 32,9% в 1958 до 20,7% в 1976 г. [Curtis 1989, p. 19].

Каким же образом удавалось ЛДП одерживать победу за победой на парламентских выборах 1960–1980-х гг.? Наиболее распространенным ответом на этот вопрос является тезис о том, что популярность ЛДП была в первую очередь основана на ее умелой экономической политике, результатом которой стали внушительные темпы экономического роста в 1960-х – начале 1970-х гг. Но в действительности активное перемещение рабочей силы в города и рост промышленного производства в городской зоне Тихоокеанского побережья создали большие проблемы для электоральной политики ЛДП. Например, «новые городские жители», приехавшие из сельской местности, оказались вне традиционных социальных сетей, позволявших ЛДП проводить эффективную мобилизацию т.наз. «твердых голосов». Кроме того, загрязнение окружающей среды, близкое к коллапсу состояние путей сообщения и иные последствия

ускоренной урбанизации создали для правящей партии дополнительные вызовы, породив в 1960-е гг. мощные движения протеста.

Однако ЛДП удалось справиться с этими вызовами, используя для удержания своих позиций самый широкий арсенал средств [Стрельцов 2016]. Это прежде всего умелое использование электоральных технологий, к числу которых следует отнести ставку на персональную ориентацию японских избирателей, перенесение ответственности за ведение избирательных кампаний на уровень индивидуальных кандидатов с максимальным использованием функции ЛДП как «партии-франшизы»; в сельских округах и малых городах – опору на «твердые голоса» и их мобилизацию с помощью «обществ поддержки»; в урбанизированных регионах – опору на средний класс, его мобилизацию через различные профессиональные, корпоративные, любительские, местные и иные структуры, вовлечение этих структур в сферу клиентelistской политики. Лоббистские возможности влиятельных депутатов парламента от ЛДП давали им существенные преимущества для укрепления на местах сетевых структур по «сбору голосов», что в свою очередь способствовало консолидации электоральной базы ЛДП [Masumi 1995, p. 499].

Другим важным инструментарием ЛДП явилось поддержание внутривнутрипартийной демократии и плюрализма мнений, обеспечение консенсуса на основе межфракционного баланса сил, недопущение раскола партии [Richardson 1997, pp. 56–58]. Партийные фракции обладали достаточными финансовыми и организационными ресурсами и пользовались существенной автономией, гарантируя своим членам иммунитет от преследования, например, за критику руководителей конкурирующих фракций.

Кроме того, ЛДП удавалось не допускать объединения против себя оппозиционных сил и держать их в состоянии хронического раскола, например путем внесения в электоральную повестку дня таких вопросов международно-политического или идеологического характера, где противоречия между самими оппозиционными партиями проявлялись сильнее, чем даже между левыми и консервативными силами.

Важным методом сохранения господства ЛДП выступали механизмы смены лидеров: регулярные отставки премьер-министров и реформирование состава кабинетов министров. В среднем за 38 лет правления период пребывания у власти кабинета министров в среднем составлял полтора года, премьер-министра – два с половиной года. Регулярная смена лидера позволяла ЛДП создавать имидж обновленной партии и таким образом реабилитироваться в глазах избирателей после очевидных провалов или коррупционных скандалов. Вместе с тем следует признать, что специфические методы выбора премьер-министра путем межфракционных консультаций открывали дорогу во власть не самым популярным в партии и обществе, но наиболее лояльным и компромиссным политическим фигурам. По сути, в ЛДП сложилась система «двойной власти» – пост премьер-министра занимал один политик, а реально кадровыми и прочими вопросами ведал другой, стоявший в тени, как правило формальный или неформальный лидер крупнейшей фракции. Наиболее известными «кинжмейкерами» японской политики были К. Танака, С. Канэмару, Н. Такэсита, И. Одзава.

В числе факторов, способствовавших долговременному пребыванию у власти ЛДП, нельзя не упомянуть и внешний фактор, а именно – зависи-

мость Японии от гарантий безопасности США. На начальном этапе существования «системы 1955 года» американское правительство, озабоченное риском прихода левых сил к власти в Японии, выделяло финансовые дотации для поддержания единства ЛДП, в которой оно видело основного партнера. Нельзя не учитывать и тот факт, что для японского политического класса Америка представляла главный ценностный ориентир на протяжении всего периода холодной войны, что заставляло правящую верхушку прилагать максимум усилий для консолидации во власти сторонников этого геополитического выбора и, соответственно, предотвращения прихода к власти левых сил, настроенных к союзу с США критически. Не случайно социалисты смогли войти в правительство только в 1993 г., уже после распада биполярной системы и окончания холодной войны [Stockwin 2011, p. 99].

Изменения на политической арене после 1991 года

С началом постбиполярной эпохи многие элементы, присущие «системе 1955 года», стали уходить в прошлое. В экономическом отношении эта система играла роль механизма перераспределения сверхдоходов, получаемых экспортными отраслями промышленности. Однако с середины 1980-х гг. в связи со структурной перестройкой экономики, сопровождавшейся перемещением промышленного капитала за рубеж, Япония перестала получать крупные прибыли от экспорта готовой продукции. Соответственно, перед политиками встали задачи определять приоритеты экономической политики, решать проблемы стареющего общества, создавать жизнеспособную систему пенсионного и медицинского

обеспечения и т.д. Эти задачи потребовали коренной перестройки форм и методов политической деятельности, проводимой как партиями, так и отдельными политиками.

Важным фактором политических трансформаций начала 1990-х гг. стала структурно-функциональная «усталость» «системы 1955 года». Система политической власти оказалась неспособной адаптироваться к коренным сдвигам в социально-экономической сфере. К тому же правящая партия была дискредитирована в глазах избирателей в результате серии коррупционных скандалов конца 1980-х гг., в которые оказалась втянута вся верхушка ЛДП. Стремительное расширение политической коррупции, в основе которой лежали массовые злоупотребления депутатами правящей партии своими полномочиями в деле перераспределения общественного богатства, вызвало массовое недовольство партией, которая оказалась неспособной к самореформированию [Kohno 1997, pp. 6–7].

В результате форма организации власти коренным образом изменилась. В 1993 г. Япония вступила в период коалиционных правительств, и партийная система переживала период высокой волатильности. В 1990-е гг. партии проходили через опыт рождений и исчезновений, расколов, слияний, создания новых союзов и коалиций, на первый взгляд казавшихся противоестественными. Социалистическая партия Японии, выступавшая главным оппонентом ЛДП в биполярную эпоху, фактически исчезла с политической арены, превратившись в маргинальную политическую силу. В 1993 г. в результате объединения всех оппозиционных партий, за исключением коммунистов, к власти в стране приходит семипартийная коалиция, и ЛДП более чем на год уходит в оппозицию. Вернувшись к власти, либерал-демократы с тех пор уже не мог-

ли обходиться для удержания власти без партнеров по коалиции – сначала это были социалисты и партия Сакигакэ, затем Либеральная партия и, наконец, с 1999 г. – партия Комэйто.

Союз ЛДП с партией Комэйто, казалось бы, не должен был просуществовать долго: ЛДП считается консервативной партией и выступает за пересмотр конституции и активное военное строительство, тогда как центристская Комэйто опирается на сильную социальную политику, защиту конституции и пацифизм во внешней политике. Однако коалиция ЛДП и Комэйто оказалась на удивление прочной, дожив до сегодняшнего дня. В основе этого союза лежат исключительно прагматические соображения, связанные с электоральной ситуацией в стране: благодаря коалиции ЛДП привлекает на свою сторону голоса верных приверженцев Сока гаккай, составляющих материнскую организацию Комэйто (с членами семей это почти 10% всех японских избирателей), тогда как для Комэйто участие в правящей коалиции дает возможность активного права голоса в вопросах государственного управления.

Коалиционное правление зачастую заставляет правящую партию существенно корректировать практическую политику правительства в направлении, более приемлемом для партий-партнеров. Например, ЛДП, руководство которой занимает в целом ястребиную позицию в сфере безопасности, приходится учитывать пацифистский курс Комэйто и проводить более умеренную линию по вопросам изменения конституции и отправки войск за рубеж.

В 1998 г. в стране из осколков нескольких политических партий появилась Демократическая партия Японии (ДПЯ). Именно эта центристская партия стала с течением времени единственной политической силой, способной бро-

суть вызов господству либерал-демократов. В 2009 г. ДПЯ одержала победу на всеобщих выборах и в течение трех лет находилась у власти, сместив ЛДП в оппозицию. Однако триумф ее оказался недолгим: в результате неспособности выполнить предвыборные обещания в социальной и экономической сферах, а также нескольких ощутимых провалов во внешней политике ДПЯ потерпела на выборах 2012 г. сокрушительное поражение от ЛДП, от которого она уже не смогла оправиться – в октябре 2017 г., в преддверии внеочередных выборов в нижнюю палату, она фактически самораспустилась. Часть ее депутатов перешли в правоцентристскую Партию надежды, часть сформировали Конституционно-демократическую партию, стоящую на левоцентристских позициях и выступающую за сильную роль государства в социальной сфере. В мае 2018 г. Партия надежды окончательно объединилась с Демократической партией, сформировав Народно-демократическую партию.

По состоянию на май 2018 г. ЛДП имеет в нижней палате парламента 284 места из 465. Правящая коалиция из ЛДП и Комэйто обладает в палате представителей 313 депутатскими мандатами, что составляет квалифицированное большинство, позволяющее ей принимать конституционные поправки и проводить через парламент любые законопроекты даже в случае их неодобрения палатой советников. В оппозиции находятся Конституционно-демократическая партия (57 мест), Народно-демократическая партия (39 мест), Коммунистическая партия (12 мест) и небольшая Партия обновления (11 мест). По два мандата имеют Социал-демократическая, Либеральная партия и Партия надежды, еще 27 мандатов принадлежит независимым депутатам. Имеется также небольшая депутатская группа, планирующая создать собственную партию.

Эпоха коалиционных правительств актуализировала значение малых партий в политической жизни Японии. Бум малых партий был связан с тенденциями в электоральном поведении японцев, которые регулярно демонстрировали разочарование в «системных» партиях (ЛДП и ДПЯ). Именно в руках этих партий (к их числу относились, в частности, Партия всех (2009–2014 гг.), Новая народная партия (2005–2013 гг.), Партия «Вставай, Япония» (2010–2012 гг.) и т.д.) зачастую находился ключ к решению политических кризисов, периодически потрясавших Японию. Особенно поддержка малых партий оказывалась критичной для партии власти в условиях «перекрученного парламента» в 2010–2012 и в 2012–2013 гг. (в котором палаты контролировались противостоящими друг другу политическими силами), когда для преодоления вето верхней палаты правительству для проведения законов требовалось заручиться в нижней палате поддержкой квалифицированного большинства.

Одним из факторов, способствовавших радикализации перемен в партийно-политическом пространстве в пост-биполярный период, стали качественные изменения в социальном портрете японского электората. Проходящие на протяжении нескольких десятилетий процессы урбанизации приводили к увеличению доли «плавающих голосов», не аффилированных с какой-либо из действующих политических сил. По этой причине снижалась традиционно присущая японским избирателям ориентация на конкретную фигуру, предполагающая их голосование на парламентских выборах за того или иного политика вне зависимости от его партийных предпочтений. Одновременно росло значение партийных брендов в электоральной мотивации избирателей. На выборах все большую роль играли «манифесты», т.е. предвыбор-

ные обещания партий по насущным вопросам, представляющим первоочередной интерес для избирателей.

В настоящее время около 40% японских избирателей представляют индифферентные к политике электоральные слои. В отличие от «традиционных» избирателей, политический выбор которых в большей степени детерминируется происхождением, статусом, принадлежностью к традиционным социальным институтам, эти избиратели проявляют гораздо большую волатильность в политических предпочтениях. Они либо вообще не ходят на избирательные участки, либо, если и ходят, делают выбор в последний момент, исходя из собственных субъективных ощущений (например, под влиянием высказываний популярного телекомментатора).

С другой стороны, менее предсказуемыми стали итоги парламентских выборов и по причине того, что большую активность стали проявлять на них политически мотивированные слои избирателей. Это граждане, в основном проживающие в городах, живо интересующиеся содержанием политических платформ партий, а перед очередными выборами с аптекарской точностью подсчитывающие, какие из предвыборных обещаний были выполнены действующей властью, а какие – нет. Сюда же входят и те избиратели, кто из протестных соображений «голосует назло» против партии власти, даже если не поддерживают ни одну из оппозиционных партий. С учетом увеличения этой электоральной когорты именно ее поддержка была решающей для убедительной победы ДПЯ на выборах в нижнюю палату в 2009 г., а утрата этой поддержки предопределила столь же сокрушительное поражение этой партии в 2012 г.

В условиях деидеологизации политического пространства и усиления идейно-организационной аморфности

политических партий в обществе существенно усилился запрос на лидерское, популистское начало в политике. Рост значения популизма в электоральной практике проявляется в том, что избиратели все чаще голосуют в своем округе под имиджевым влиянием лидера той или иной партии. В этой связи огромное значение приобретает репутация лидеров ведущих политических партий, их личная незапятнанность, непричастность не только к явной коррупции, но и к относительно несерьезным нарушениям действующего законодательства, например к несоблюдению правил в сферах налогообложения, пенсионного обеспечения, политических пожертвований и проч.

Наиболее отчетливо роль феномена популизма прослеживается на примере отношения японцев к премьер-министрам страны. Среди лидеров XXI в., пользующихся личной харизмой, следует особенно выделить глав правительств Дзюньитиро Коидзуми (2001–2006 гг.) и Синдзо Абэ (2006–2007 гг. и 2012 – наст. вр.) Высокие рейтинги С. Абэ связаны больше с усталостью от длительного «мозаичного» периода политической нестабильности, когда премьеры сменяли друг друга практически каждый год. Особенно важно то, что Абэ уловил запрос на лидера, который умеет говорить на понятном массам языке. В арсенале Абэ – использование кратких и емких слоганов, которые стали визитной карточкой возглавляемого им кабинета. Абэ последовательно вводил в оборот такие девизы, как *тихо сосэй* («обновление регионов»), *дзёсэй кацуяку* («общественная активность женщин»), *итиоку кацуяку* («активность ста миллионов»), намек на все взрослое население Японии), *хатаракиката кайкаку* («реформа занятости») и т.д. Даже если в содержательном плане указанные лозунги были абстрактными и допускали раз-

личные интерпретации, они позволяли создать видимость активности правительства и регулярного обновления им политической повестки дня. Такая тактика оказалась особенно эффективной в условиях накапливающегося в японском обществе разочарования итогами деятельности правительства, особенно в социально-экономической сфере.

Популизм Абэ проявился и в том, что благодаря медийным возможностям он создал себе образ «спасителя» Японии, благодаря которому страна избежала многих проблем, связанных с глобализацией, подобных тем, с которыми столкнулись, например, европейские страны – межэтнические и межконфессиональные противоречия, связанные с ростом иммиграции, проблемы терроризма и преступности и т.д. По сравнению с Европой в Японии существенно ниже уровень безработицы, достаточно благоприятна экономическая ситуация. В результате пропагандистских усилий правительства у многих японцев возникло чувство благодарности лидеру, основанное на ложной идее о том, что при любом другом премьерере было бы только хуже.

Другой фактор политического успеха С. Абэ – отсутствие у него серьезных противников на политической арене. Перед выборами октября 2017 г. распалась главная оппозиционная сила страны – Демократическая партия Японии (ДПЯ). При этом большой удачей для партии власти явился дефицит в руководстве Демократической партии Японии популярных политических фигур, способных увлечь за собой недовольные ЛДП слои электората. На этом фоне основная часть японских избирателей предпочла воздержаться от поддержки

ДПЯ на выборах даже несмотря на осязаемое усиление протестных настроений в массах, связанное с социальными издержками курса «абэномики».

Однако стоит отметить, что сама правящая партия сталкивается в настоящее время с серьезными проблемами, среди которых следует выделить падение авторитета ЛДП в обществе на фоне резонансных политических скандалов; отсутствие внутрипартийной демократии и авторитарный стиль правления Абэ, повышающие риск политических ошибок; отсутствие надежных механизмов преемственности власти, устойчивых к изменениям политической конъюнктуры, подобным тем, что существовали в ЛДП в период холодной войны.

Большой проблемой для правящей партии является внутренний управленческий кризис. Многие наблюдатели указывают на то, что авторитарный стиль правления Абэ, который принимает многие важные политические решения единолично, не советуясь с коллегами, наносит больший ущерб как ЛДП, так и правительству в целом³. В глаза бросается отсутствие плюрализма мнений и внутрипартийных дискуссий, которые были характерной чертой правления ЛДП в период «системы 1955 года». К тому же сам Абэ в 2017–2018 гг. оказался под огнем критики со стороны оппозиции в связи с личной причастностью к скандалам «Моритомо гакуэн» и «Какэ гакуэн», в ходе которых на поверхность всплыли факты злоупотреблений со стороны членов кабинета министров и лично премьер-министра, а также допущенной ими несправедливости при совершении сделок с государственной землей. Вовлеченность Абэ

3 Tahara Soichiro. Cha bozu bakari no jiminto-ga hokaisuru shinario (The Scenario When the Flattery-Grounded LDP Collapses) (2017) // Nikkei bijinesu, April 28, 2017 // <http://business.nikkeibp.co.jp/atcl/opinion/16/12200032/042700019/?P=4>, дата обращения 15.04.2017.

и его супруги в скандал бросили тень на всю правящую партию.

Проблемой для ЛДП является и непрозрачность ее кадровой политики. Дефицит демократических процедур и отсутствие информации о дискуссиях внутри партии переводят вопрос о механизмах преемничества в непубличную плоскость. Можно предположить, что ради сохранения власти ЛДП будет делать ставку на лидера, имеющего личную харизму и предоставляющего партии мощный популистский ресурс. Однако потенциал фракционной политики исчерпан не до конца, и совещание лидеров фракций пока еще сохраняет перспективу как реально действующий орган кадровой политики. В этом смысле ЛДП еще только предстоит найти формулу передачи власти следующему поколению политических лидеров.

Заключение

В нынешних условиях ни одна из оппозиционных партий, включая Конституционно-демократическую партию, Народно-демократическую партию и Партию обновления, не способна составить ЛДП реальную конкуренцию в борьбе за власть. Этому способствует мажоритарная система, по которой проходят выборы основной части мест в нижнюю палату парламента (289 из 465), однозначно дают преимущества крупным партиям, способным мобилизовать силы и средства на всей территории страны. В рамках сложившейся в середине 2010-х гг. партийно-политической конфигурации ЛДП оказывается безусловным и единственным бенефициаром мажоритарной системы, получая в процентном отношении существенно боль-

ше мест в нижней палате, чем то их количество, которое бы она получила пропорционально проценту реально отданных за нее голосов. Огромные преимущества правящей партии дает состояние хронического раскола в стане оппозиции, соперничество оппозиционных партий за голоса в одних и тех же электоральных слоях, отсутствие в них ярких политических лидеров, способных увлечь за собой массы. В реальности партии оппозиции могут провести своего кандидата в малых округах только при достижении электорального соглашения, однако опыт такого соглашения, в котором впервые за всю послевоенную историю участвовали коммунисты, получен только на выборах середины 2010-х гг.

Пролонгации однопартийного правления ЛДП способствует и то обстоятельство, что японское общество относительно однородно в экономическом отношении – его основу составляет сильный средний класс, и идеологически «всеядная» Либерально-демократическая партия в этом смысле лучше соответствует общественным ожиданиям, нежели прочие политические партии, ориентированные на более узкие электоральные сегменты. Кроме того, общий вектор общественных настроений смещается в сторону усиления консерватизма и стремления возродить традиционные «японские ценности», выразителем которых многие считают нынешнего лидера ЛДП С. Абэ. Большая часть японского электората (по опросам, более 60%)⁴ проявляет сдержанность к радикальным реформам и не желает никакого «ниспровержения основ», что, безусловно, играет на руку действующей власти. Более того, консервативной идеологии парадоксальным образом склон-

4 Сэйкэн котай 1 нэн-но хёка (Оценка ситуации через год после смены власти) // NHK хосо бунка кэнкюдзё // <https://www.nhk.or.jp/bunken/summary/yoron/social/049.html>, дата обращения: 31.05.2017.

ны придерживаться слои населения с наиболее низкими доходами⁵, которые в рамках обычной логики должны были бы служить электоральной основой левой оппозиции. К тому же японские избиратели имеют протекционистски ориентированный тип сознания и склонны поддерживать в первую очередь партии, которые имеют реальную перспективу прийти к власти. Во многом такие настроения связаны с устойчивостью представления о депутате от правящей партии как об «источнике патронажа» (по выражению Дж. Стоквина) [Stockwin 2008, p. 193].

В этом смысле сохранение доминантного положения ЛДП в политической системе при неуклонном выполнении всех демократических процедур имеет достаточно сильную перспективу и может быть отнесено к числу приоритетных сценариев развития.

Определенную степень вероятности, пусть и существенно меньшую, имеет на данном этапе сценарий формирования в Японии двухпартийной системы Вестминстерского типа. Уместно вспомнить, что цель введения в избирательную систему страны в 1994 г. малых округов состояла в том, чтобы покончить с просуществовавшей в Японии без малого четыре десятилетия «системой 1955 года» и создать условия для формирования двухпартийной системы Вестминстерского типа.

За два с половиной десятилетия в современной Японии так и не сложилось характерного для этой системы размежевания основных партий по программно-идеологическому признаку, являющегося главной характеристикой Вестминстерской модели. Все политические партии, за исключением коммунистов, ви-

дят основную цель своего существования не в реализации программных установок, а в предоставлении своим членам из числа действующих депутатов наиболее удобного для них способа получения депутатского мандата на парламентских выборах.

Одна из причин этого парадоксального на первый взгляд положения заключается в том, что формирование оппозиции в отношении ЛДП в прошлом неизменно происходило в Японии в рамках логики создания ей формальной альтернативы, т.е. приоритета организационной оболочки над идеологическим содержанием. Главная оппозиционная партия в этом смысле выступала не более чем аморфным объединением умеренных сил различной идейной ориентации, объединенных единственной идеей – сменить ЛДП у власти. Единственным ограничителем выступало негласное правило, по которому в эту партию не допускали радикалов из числа коммунистов, левых социалистов или явных правоконсервативных традиционалистов.

Идеология для такой партии имела второстепенное значение, а сама она представляла собой разношерстную, лоскутную коалицию с участием самых разных, зачастую непримиримых политических сил и групп. Именно такими были Партия новых рубежей в 1994–1997 гг. и Демократическая партия в 1998–2017 гг., которые в реальности выступали второй политической силой страны. Похоже, именно к числу таких партий следует отнести и сформированную накануне выборов 2017 г. Партию надежды.

Критика ЛДП на определенном этапе благоприятствовала этим партиям,

5 Нисидзава Ёситака. Какуса саякай то сэйджи (Общество социальных контрастов и политика). Доклад на конгрессе Японской политологической ассоциации 2016 года (2016) // http://www1.doshisha.ac.jp/~ynishiza/ynishiza2014/downloadables/jpsa16_Nishizawa_v160913_FINALa.pdf, дата обращения: 15.04.2018.

позволяя собирать протестные голоса избирателей. Они могли получать достаточно широкую общественную поддержку и выдвигать реальные претензии на власть. В 2009–2012 гг. эти претензии даже привели к реальной смене власти и переходу ЛДП в оппозицию. Однако идеологическая аморфность и отсутствие должной организационной консолидации, как показал исторический опыт, неизменно приводили указанные партии к поражению на выборах, а в дальнейшем – к расколу и самоликвидации.

Недостаток идеологической сердцевины, позволяющей провести четкий водораздел с правящей партией по коренным вопросам социально-экономической повестки дня, не позволял оппозиции (за исключением коммунистов) формировать когорту преданных себе избирателей, основанную на их идейных убеждениях, а не личной преданности тому или иному политическому деятелю. Именно поэтому в японском парламенте крайне редко можно услышать конструктивные политические дебаты между правящей и оппозиционными партиями по животрепещущим вопросам, касающимся повседневной жизни избирателей. Оппозиция атакует правящий лагерь в основном за личные прегрешения его отдельных представителей и оказывается неспособной выдвинуть привлекательную альтернативу курсу правительства, например в экономической области. Отчасти причина этого заключается в том, что ЛДП, как это было и в эпоху холодной войны, проводит в социальной и экономической сферах в основном либеральную политику, основанную на традиционных эгалитарных ценностях, политику, которая в целом не вызывает широкого общественного недовольства.

В нынешнем парламенте образца лета 2018 г. определенная ниша для созда-

ния крупной партии, которая бы составила политическую альтернативу ЛДП, как представляется, связана в первую очередь с наличием в обществе значительного протестного потенциала, связанного с нерешенностью социально-экономических проблем, включая кризис традиционной системы найма, отсутствие в стране финансово стабильной и самодостаточной системы пенсионного обеспечения и здравоохранения и т.д. Такая ниша могла бы быть заполнена партиями левой и левоцентристской ориентации, к числу которых следует отнести, прежде всего, Конституционно-демократическую партию, а также КПЯ. Однако для получения массовой поддержки левые должны пройти еще долгий и трудный путь. Шансы их будут возрастать лишь по мере обострения экономической ситуации в стране, ухудшения материального положения народных масс и усиления протестных настроений в электоральной среде.

Отдельную проблему составляет роль и место малых и средних партий в партийно-политической системе страны. Продолжится ли процесс фрагментации партийно-политического пространства, сохраняют ли такие партии свое значение в качестве значимых политических акторов?

В пользу этих партий играют такие особенности избирательной системы в парламент, как наличие крупного блока мест в нижнюю палату от округов пропорционального представительства (ОПП), где голосование идет по партийным спискам и поэтому такие партии имеют больше возможностей для получения депутатских мандатов, нежели в малых округах. Например, на выборах 2017 г. ЛДП получила в ОПП только 66 мест из 176, или 38% от их общего числа. Малым и средним партиям благоприятствует и такая особенность японской парламентской системы, как «вязкость». Эта система предоставля-

ет оппозиции реальные возможности воздействовать на процесс принятия законодательных решений. Не следует забывать и об особенностях политической культуры и национальной психологии японцев, отличительной чертой которой является склонность к консенсусным методам разрешения конфликтов. В «вязком» парламенте правящей партии гораздо труднее реализовать свою стратегию, которая бы встречала принципиальные возражения со стороны меньшинства.

Однако проблема заключается в том, что оппозицию в современной Японии составляет крайне разношерстная в идейном и организационном отношении масса малых и средних партий, которые трудно было бы объединить в «коалицию против ЛДП». Против многопартийности работает и большая по сравнению со многими другими странами ограниченность политической ниши для малых и средних партий. В историческом плане в Японии потребности в политической защите прав меньшинств, структурированных по расовому, этническому, религиозному, гендерному и иным признакам, не возникало, в связи с чем не формировалось и мотивов и для политической институционализации их интересов.

Препятствует завоеванию массовой поддержки и отсутствие традиции преданности депутатов партийному знамени (помимо случаев, касающихся КПЯ). Как и прежде, депутаты с легкостью перекочевывают в лагерь соперников, если чувствуют для себя личную выгоду. Кроме того, малые и средние партии нередко проявляют готовность вступать в конъюнктурных интересах в самые противоестественные коалиции, а зачастую и жертвовать своими базовы-

ми принципами. Зачастую они возникают из осколков «системных партий», как правило не на идеологической основе, а как организации вождистского типа, создаваемые «обиженными» лидерами одной из крупных партий, решивших подобным образом удовлетворить свои личные амбиции (таковыми были, например, Партия всех, партия «Вставай, Япония!», Партия обновления). Как показывает исторический опыт, главный расчет малых и средних партий скорее строится на том, чтобы с наибольшей выгодой «продать себя» – либо в качестве партнера по коалиции, если правящей партии не будет хватать голосов для формирования правительства, либо за счет вхождения в полном составе в правящую партию на условии получения определенных руководящих постов в ее номенклатуре. Это, в свою очередь, создает для малых и средних партий вектор тяготения в сторону ЛДП, препятствуя формированию «лоскутных коалиций» и направляя политический процесс в сторону однополярности.

Список литературы

Стрельцов Д.В. (2011) О роли консерватизма в идеологическом инструментарии японской политической элиты // Другов А.Ю., Малетин Н.П., Новакова О.В. (ред.) Элиты стран Востока. М.: Ключ-С. С. 79–92.

Стрельцов Д.В. (2016) Система доминантной партии в Японии: некоторые уроки исторического опыта // Японские исследования. № 3. С. 70–85. DOI: 10.24411/2500-2872-2016-00023

Curtis G.L. (1988) *The Japanese Way of Politics*, New York: Columbia University Press.

6 Ота Синдзи, Сюин сэн, Нани-га миэта ка (Выборы в палату представителей: что стало ясно?) (2017) // NHK. News Commentators Bureau, October 23, 2017 // <http://www.nhk.or.jp/kaisetsu-blog/100/282552.html?id=politics>, дата обращения 15.04.2018.

Hrebenar R.J. (1992) *The Japanese Party System*, Oxford: Westview Press.

Masumi Junnosuke (1995) *Contemporary Politics in Japan*, Berkeley and Los Angeles: University of Columbia Press.

Reed S. (2011) *The Liberal Democratic Party. An Explanation of Its Successes and Failures // The Routledge Handbook of Japanese Politics* (ed. Gaunder A.), London, New York: Routledge, pp. 14–23.

Richardson B. (1997) *Japanese Democracy*, New Haven, London: Yale University Press.

Stockwin J.A.A. (2008) *Governing Japan: Divided Politics in a Resurgent Economy*, Oxford: Blackwell Publishing.

Stockwin J.A.A. (2011) *Party Politics in Japan // In Japanese Politics Today From Karaoke to Kabuki Democracy* (ed. Inoguchi T.), New York: Palgrave Macmillan, pp. 89–108.

The Party System in Contemporary Japan: from the LDP Dominance to a Real Multi-party System

Dmitry V. STRELTSOV

DSC in History, Professor, Head of Department of Afro-Asian Studies, MGIMO of the MFA of Russia, Leading Research Fellow, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. Address: 76, Vernadskij Av., Moscow, 119454, Russian Federation. E-mail: d.streltsov@inno.mgimo.ru

CITATION: Streltsov D.V. (2018) *The Party System in Contemporary Japan: from the LDP Dominance to a Real Multi-party System. Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 11, no 3, pp. 120–136 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-3-120-136

ABSTRACT. *In the political system of post-war Japan there emerged a unique phenomenon of the ‘1955 system’, which contradicted, in its form and in its essence, to the principle of the changeability of power inherent for the democratic systems. The Liberal-Democratic Party retained majority in the lower house of Diet for the 38-year period, which allowed it to form the government without joining coalitions with any other parties. “The 1955 system” was a form of adaptation of the political power to the specific conditions of cold war era. In the sphere of foreign policy, the bipolar model of the Japanese political system reflected the ideological choice between the*

capitalist system led by the United States and the socialist system led by the USSR. In the economic sphere, the dominant party system was the most appropriate response to the specific needs of the mobilization economic model, in which first fiddle was played by bureaucracy, whilst the political power performed rather decorative functions. The authoritarian features in the LDP power system that can be imagined to be the result of its monopolistic rule, in reality did not have a distinct manifestation because of the de facto absence of unity in its top management and the preservation of a viable faction system well adapted to the electoral model of the multimember

districts. The end of 'the 1955 system', associated with the end of the cold war, manifested itself in the loss of the LDP's dominant position in the party system and in the beginning of the era of coalition governments. The issues of ideology in the post-bipolar period lost their significance as a form of axis in the inter-party division. Currently, the LDP holds the leading positions in the political arena as the main political force in the Diet. The ruling party faces serious problems, among which one can mention the decline of the LDP authority in the Japanese society against the background of resonant political scandals, the absence of intra-party democracy and the authoritarian style of Abe's rule which raises the risks of political mistakes, as well as the lack of reliable mechanisms of succession of senior positions in the party hierarchy. However, the specificity of the electoral system, as well as the chronic state of split and the absence of strong political leaders in the opposition camp, give the LDP substantial advantages against other parties, feeding the conclusion that the LDP will remain the dominant political force of Japan in the foreseeable future.

KEY WORDS: *the Liberal Democratic Party, 'the 1955 system', dominant party, coalition government, bipartisan system, Shinzo Abe, Constitutional Democratic Party, populism, 'floating votes', authoritarian style*

References

- Streltsov D.V. (2011) O roli konservativizma v ideologicheskom instrumentarii yaponskoj politicheskoj elity [On the Role of Conservatism in the Ideological Tools of the Japanese Political Elite]. *Elity stran Vostoka* [The Elites of the East] (eds. Drugov A.Yu., Maletin N.P., Novakova O.V.), Moscow: Klyuch-S, pp. 79–92.
- Streltsov D.V. (2016) Sistema dominantnoj partii v Yaponii: nekotorye uroki istoricheskogo opyta [The System of Dominant Party in Japan: Some Lessons from Historical Experience]. *Yaponskie issledovaniya*, no 3, pp. 70–85.
- Curtis G.L. (1988) *The Japanese Way of Politics*, New York: Columbia University Press.
- Hrebendar R.J. (1992) *The Japanese Party System*, Oxford: Westview Press.
- Masumi Junnosuke (1995) *Contemporary Politics in Japan*, Berkeley and Los Angeles: University of Columbia Press.
- Reed S. (2011) The Liberal Democratic Party. An Explanation of Its Successes and Failures. *The Routledge Handbook of Japanese Politics* (ed. Gaunder A.), London, New York: Routledge, pp. 14–23.
- Richardson B. (1997) *Japanese Democracy*, New Haven, London: Yale University Press.
- Stockwin J.A.A. (2008) *Governing Japan: Divided Politics in a Resurgent Economy*, Oxford: Blackwell Publishing.
- Stockwin J.A.A. (2011) Party Politics in Japan. In *Japanese Politics Today From Karaoke to Kabuki Democracy* (ed. Inoguchi T.), New York: Palgrave Macmillan, pp. 89–108.